Сов. Россия. — 1995 — 19 окт. — с. 7.

Изумрудный венок

Письмо-признание читателя своему кумиру — великому писателю Ивану Бунину по случаю 125-летия со дня его рождения

"Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму".

("Одиночество", И. А. БУНИН).

Владимир КРЫЛОВ — **Посвящается Светлане**

"В ХОЛОДНОЕ осеннее ненастье на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями, к длинной избе, в одной связи которой была казенная почтовая станция, а в другой частная горница, где можно было отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар, подкатил закиданный грязью тарантас с полуподнятым верхом, тройка довольно простых лошадей с подвязанными от слякоти хвостами. На козлах тарантаса сидел крепкий мужик в туго подпоясанном армяке, серьезный и темноликий, с редкой смоляной бородой, похожий на старинного разбойника, а в тарантасе — стройный старик военный в большом картузе и в николаевской серой шинели с бобровым стоячим воротником..."

Так начинается один из самых известных рассказов великого русского писателя Ивана Алексеевича Бунина, давший название популярному одноименному сборнику, — "Темные аллеи". Он датирован автором 20 октября 1938 года. Ровно за 10 дней до написания этого произведения писателю исполнилось 68 лет. История заведомо обреченной любви молодого помещика и простой крестьянки, о которой автор скупо упоминает в репликах героев рассказа, встретившихся через тридцать лет, болью резанет по сердцу: "Почему же мир так несправедлив? Почему же и любить другого человека нельзя — общество "осудит", — если он не из "твоего круга"?" И вот отставной военный, трясясь на ухабистой осенней дороге, вспоминает свою юношескую страсть: "...Да как прелестна была! Волшебно прекрасна! ...Разве неправда, что она дала мне лучшие минуты жизни?" Но и тут сословное чванство не дает ему покоя: "Да, пеняй на себя. Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные! "Кругом шиповник алый цвел, стояли темных лип аллеи..." Но, Боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоялой горницы, моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?" (Ранее, в разговоре с Надеждой, "военный" — Павел Александрович "посетовал", что: жена ему изменила, бросила; сын — негодяй, мот, наглец, без сердца, без чести, без совести!)

И хочется спросить этого бунинского героя: "А не воздаяние ли это ваше одиночество за ваше же бесчестье? За ваше предательство своей первой любви? За вашу дворянскую гордыню, отрицающую всякий "мезальянс"? Что: разве несправедливо — вы растоптали чью-то жизнь, а в ответ — кто-то другой — растоптал вашу? Не божья ли это кара?"

По-моему, Ивана Алексеевича Бунина постигла точно такая же участь, что и Павла Александровича! Любивший свою Родину, Россию, бредивший ею по ночам, писатель был 33 года оторван от нее, скитался, нуждался, голодал, несмотря на присужденную ему Нобелевскую премию, и умер не на Русской Земле, а во Франции, бывшей ему пристанищем, но так и не ставшей второй Родиной! Ибо у каждого человека — Родина одна! Ее не выбирают — она выбирает своих сыновей и дочерей. Она же осуждает их на добровольное или вынужденное изгнание — самое тяжкое наказание всех времен и народов — пострашнее смертной казни! Потому что человек, умерший на Родине своей и в родную же землю погребенный, успокаивается навеки в мире с самим собой и Богом! Не Россия отвергла И. А. Бунина! Человеку с его талантом нашлось бы много дел на Русской земле! Не было сил и желания воспевать революционные свершения — можно было обратиться к истории, написал же А. Толстой "Петра I", к трагедии "обманутого поколения" — вспомним, едва ли не лучшее произведение М. Горького — "Жизнь Клима Самгина", к переводам, к философским исследованиям, к стихам... Вот риторически вопрошает Иван Алексеевич: "Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены?.." ("Жизнь Арсеньева"). Полноте, Иван Алексеевич, вы-то уж совсем и не были уверены в правоте той жизни, что навязывалась России высшими сословиями! Каждый Ваш рассказ — обвинение и приговор — одновременно — той России, где столетиями не было и намека на человеческое, а не полуголодное, нищенское, рабское существование для большей части народа! Ваши Аверкии, Захары Воробьевы, лирники Родионы, Казимиры Станиславовичи, Нефеды, Таньки, Оли Мещерские, Мити, Лики, Иды не жертвы ли того, ныне "реставрируемого" в нашей стране, — "порядка"! Пусть одни из них "просто" умерли от голода, другие — от чахотки, третьи — покончили с собой, иные и остались живы, как Надежда из "Темных аллей", но потеряли нечто большее, чем жизнь, веру в людей и справедливость! И позвольте Вам не поверить, что именно эта Россия с ее пороками, язвами, неравенством, хронической бедностью не только крестьян и простых горожан, а и выходцев из "высшего сословия" — вроде вас самого — Вам близка и дорога! Неужели Вы так и не заметили ничего, что привлекло бы в новой, социалистической, России, где не стало бедных, голодных, угнетенных, неграмотных, бездомных, не нужных обществу людей? Странне, восставшей, как легендарный Феникс из пепла, сделавшейся второй по значению мировой державой, страной всеобщей грамотности, первого спутника, первого космонавта! Стране, переломившей хребет гитлеровскому фашизму! Сделавшей небывалый скачок из средневековья в будущее, которое (верю!) ожидает нашу цивилизацию — социализм! И к которому Россия рано или поздно вернется! Нахлебавшись досыта буржуазных "помоев"! Поверьте мне, если бы Иван Алексеевич Бунин увидел не только то, очевидцем чего ему довелось быть: ужасы и кровь гражданской войны, голод и разруху, варварство "воинствующих" атеистов, уничтожающих храмы и иконы, сумятицу в душах людей, вынужденных убивать: отец — сына, сын — отца, брат — брата, расстрелы заложников, виселицы, но и возрожденные из пепла города и села, фабрики и заводы, вновь выстроенные плотины электростанций, давшие свет миллионам "лампочек Ильича", "Магнитку" и "Турксиб", трактора и комбайны на полях, новую, взращенную Октябрем народную интеллигенцию, книги в руках вчерашних батраков, школы, доступные для всех, университеты, заполненные детьми тех "несчастных крестьян", что описывал он почти в каждом своем рассказе, если бы он все это увидел воочию, сам, а не полагаясь на сплетни досужих эмигрантских "листков", редактируемых вчерашними "контрразведчиками" и "осваговцами", — в его мировоззрении наверняка произошел бы перелом! Он мог и не принять нового, непонятного, строя — на "все сто"! (как говаривал известный персонаж "Мастера и Маргариты" — пролетарский поэт Иван Бездомный), но понять и оценить его по всей объективности произошедших перемен к лучшему Бунин мог! Категорическое неприятие социализма перешло бы у него в анализ происходящего в России небывалого эксперимента. И, что называется, закончилось бы это примирением с Родиной! Несомненно!

В ТЕЧЕНИЕ всей долгой и непростой бунинской жизни дворянский "дух" сильно вредил ему. Был он иногда не в меру заносчив и капризен. Это отмечают многие исследователи его творчества. Характерен эпизод с Куприным, когда тот в разговоре с Буниным причислил себя к дворянам, как и Иван Алексеевич: ведь мать Куприна была из княжеского рода. На что Бунин непреминул заметить: Но вы-то, мол, дворянин "по матушке", а это "неполноценное" дворянство. Разумеется, такие пассажи не могли не повлиять на дальнейшие взаимоотношения.

Да, любил Иван Алексеевич "покрасоваться" дворянством! В своем выдающемся произведении, аналогов которого нет в отечественной и мировой литературе, — "Жизни Арсеньева" — Бунин, описывая "автобиографию вымышленного лица" — Алексея Арсеньева, — дает такую характеристику "родословной" героя романа: "... знаю только то, что в Гербовнике наш род отнесен к тем, "происхождение коих теряется во мраке времен". Знаю, что род наш "знатный, хотя и захудалый", и что я всю жизнь чувствовал эту знатность, гордясь и радуясь, что я не из тех, у кого нет ни рода, ни племени...

Среди моих предков было, верно, немало и дурных. Но все же из поколения в поколение наказывали мои предки друг другу помнить и блюсти свою кровь: будь достоин во всем своего благородства. И как передать те чувства, с которыми я смотрю порой на наш родовой герб? Рыцарские доспехи, латы и шлем со страусовыми перьями. Под ними щит. И на лазурном поле его, в середине — перстень, эмблема верности и вечности, к которому сходятся сверху и снизу своими остриями три рапиры с крестами-рукоятками..." Вот где "собака-то зарыта"! Не уверен, что Бунин описывает именно свой родовой герб, но чувство крови у него присутствовало всегда, до самого конца жизни. (А умер он на чужбине, во Франции, в ноябре 1953 года! Через 8 месяцев после И. В. Сталина!)

И хотя всю жизнь И. А. Бунин вынужден был напряженно работать, чтобы не умереть с голоду, порой не имея и десяти копеек в кармане, путешествуя по чужому "бесплатному" билету, проживая в дешевеньких "меблерашках" и на "частных квартирах", дворянство оставило свой роковой отпечаток на его характере и судьбе! И Родины-то оно его лишило!

Когда один из сыновей или дочерей дворянина "нарушал кодекс поведения — неписаную "Заповедь аристократа", его отлучали от дома, изгоняли! Он становился "изгоем". Бунин решил, что Россия "нарушила кодекс дворянской Чести" и ... захотел ее, Россию, отлучить ... от себя самого! А получилось совсем наоборот — он, Бунин, остался без Родины! Стал изгоем! Скитальцем! Вроде библейского Агасфера.

Хотел ли Иван Алексеевич вновь обрести Родину? Могу однозначно ответить: хотел, очень хотел! Но... он испытывал ложный стыд: а не нарушит ли он "закона чести"?.. Корни трагедии великого писатели видятся в нем самом! А самого себя переломить ох как трудно!

Я часто задаю себе вопрос: "А в наше, "псевдореформаторское", убийственное для России и ее народа, "смутное", воровское, время — где и с кем был бы Бунин, окажись он по Божьей воле — живым и в стране, где родился? С ельциными, черномырдиными, гайдарами, глебами якуниными, боровыми, хакамадами, федоровыми, явлинскими, новодворскими, солженицыными? Ведь его давно записали (посмертно!) в свой лагерь — разрушители России! И пытаются всюду и везде цитировать его "Окаянные дни", другие, антисоветские, его произведения... Вот, мол, кого нам не хватает — Бунина!

Нет! Не правы господа разрушители! Бунин вам и руки бы не подал! Да услышь он только, что от Великой России — волею "перевертышей" и национальных "князьков"-феодалов — отторгнуты исконно русские земли, обильно политые потом и кровью русских воинов и пахарей, что русский народ снова бросают в пропасть нищеты, безграмотности, бесправия! Что россияне — катастрофическими темпами — вымирают от голода, болезней, пьянства и наркомании, на которые их толкают "реформаторы"! Что богатства России достаются за гроши ворам и иностранцам! Что его Родина превращается в свалку отходов со всего мира, становится сателлитом Америки! — он трижды проклял бы их!

Несомненно, Бунин был бы с патриотами, с теми, кто ныне объединяет и "белых", и "красных", и духовенство — в решимости спасти Россию от иноязычного порабощения? Не исключаю! Будучи по природе национал-патриотом, монархистом, Иван Алексеевич мог встать в один ряд с теми, кто стремится не на словах, а на деле возродить нашу Родину! Сделать ее снова великой и могучей!

Константин Паустовский вспоминает: "...Второй съезд советских писателей встретил овацией слова о том, что Бунин должен быть возвращен русской литературе. И он был возвращен. Были возвращены на Родину драгоценнейшие бунинские творения и в их числе повесть "Жизнь Арсеньева". А я бы заметил: лучшие произведения И. А. Бунина никогда и не покидали родной земли! Автор их был далеко, во Франции, а его произведения жили на Родине, с поколениями русских, советских людей!

РАННИЕ годы писателя, родившегося 10 октября 1870 года в Воронеже, прошли в разорившемся и перезаложенном имении отца — хуторе Бутырки, в нынешней Орловской области. Среднерусская, лесостепная полоса... "...Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом — море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание... Но грустит ли в тишине, в глуши какой-нибудь сурок, жаворонок? Нет, они ни о чем не спрашивают, ничему не дивятся, не чувствуют той сокровенной души, которая всегда чудится человеческой душе в мире, окружающем ее, не знают ни зова пространства, ни бега времени. А я уже и тогда знал все это. Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существовавшем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему..." ("Жизнь Арсеньева")

Редко кто из великих миновал в юношестве увлечения стихосложением... Успех и признание как поэта пришли к Ивану Бунину рано. Начав писать стихи в 16—17 лет, он уже в 1887 году (!) обнаружил свое стихотворение на страницах петербургского еженедельника "Родина", куда послал его незадолго до этого. Поэзия И. А. Бунина — явление особенное! Нельзя не заметить некоторой суховатости (свойственной и характеру пиателя!), может быть излишней точности и скупости рифмы, стихосложения, какой-то, свойственной только Ивану Алексеевичу, аристократичности, сдержанности, чувства меры, изящества... Это отнюдь не недостаток, а скорее достоинство! На мой взгляд, мы еще мало осмыслили поэзию Бунина.

Уже в раннем периоде занятия поэзией Ивану Алексеевичу свойственно какое-то, чисто бунинское, мистически-философское восприятие понимание Мира! Это не подражательство! Это — уникальная черта Таланта! Только бунинского!

В стихотворении И. А. Бунина нет ничего лишнего, оно лаконично, но кто посмеет сказать, что оно "неглубокое", "незавершенное"?: "В полночь выхожу один из дома, мерзно по земле шаги стучат, звездами осыпан черный сад и на крышах — белая солома: трауры полночные лежат."

Замечу один "грешок" Бунина-поэта и писателя — "любование "траурной" символикой": "...гробный бархат", "...тихий треск свечей", "звон тяжелый в небеса плывет", "... в блеске молнии кровавой", "скорбный стон", "запах воска, запах тленья, мертвые цветы..." Что ж! Каждый великий находит свой, неповторимый, взгляд на мир и выражает свое видение мира, исходя из собственных ощущений происходящего!

А это стихотворение — не правда ли — напоминает строки вальса "Осенний сон"? Но — не подражание, а свое, бунинское!

"Листья падают в саду. пара кружится за парой... Одиноко я бреду. по листве в аллее старой. В сердце — новая любовь, и мне хочется ответить. сердцу песнями — и вновь. беззаботно счастье встретить. Отчего душа болит? Кто грустит, меня жалея? Ветер стонет и пылит. по березовой аллее. Сердце слезы мне теснит. и, кружась в саду угрюмом, листья желтые летят с грустным шумом!" (я специально расставил точки, указывая окончания бунинских строк!)

Почему на бунинские стихи не пишут романсов? Многие, так и "просятся" на музыку: "Как светла и нарядна весна! Погляди мне в глаза, как бывало, и скажи: отчего ты грустна? Отчего ты так ласкова стала?" А вот, пожалуй, еще одно, истинно бунинское, пронизанное мистикой и былинным ухарством одновременно ("На распутье") "На распутье в диком древнем поле черный ворон на кресте сидит. Заросла бурьяном степь на воле, и в траве заржавел старый щит. На распутье люди начертали роковую надпись: "Путь прямой много бед готовит, и едва ли ты по нем воротишься домой, Путь направо без коня оставит — побредешь один и сир и наг, — а того, кто влево путь направит, встретит смерть в незнаемых полях..." Дремлет полдень. На тропах звериных тлеют кости в травах. Три пути вижу я в желтеющих равнинах... Но куда и как по ним идти?.. И один я в поле, и отважно жизнь зовет, а смерть в глаза глядит... Черный ворон сумрачно и важно полусонный на кресте сидит."

Стихотворение Бунина "Без имени": "Курган разрыт. В тяжелом саркофаге он спит, как страх. Железный меч в руке. Поют над ним узорной вязью саги, беззвучные, на звучном языке. Но лик сокрыт — опущено забрало. Но плащ истлел на ржавленой броне. Был воин, вождь. Но имя Смерть украла и унеслась на черном скакуне". Не правда ли, явственно представляешь могильный курган, пышные похороны древнего воина-князя, факелы, костры, приносимые языческие жертвы? Тризну, выстроившуюся в последнем смотре дружину... Жен, покорно идущих за повелителем в Загробный Мир? Точь-в-точь то, что недавно показали археологи, мумия воителя из древнего мира...

Согласитесь, что Иван Алексеевич Бунин — поэт своеобразный, неповторимый, неподражаемый! Его стихи не рассчитаны на "широкую" публику, он поэт — "камерный", поэт-эстет, поэт-философ! Но — Великий Поэт — это несомненно!

А ВОТ Бунин-переводчик — это нечто Величайшее, Непостижимое! Даже, если бы он ничего больше в жизни не написал, кроме перевода "Песни о Гайавате" Генри Лонгфелло, то и тогда, на столетия, он остался бы хрестоматийным поэтом-переводчиком! "Песнь о Гайавате" — это в переводе Ивана Бунина что-то божественно чудесное, трогательное, изумительно изящное и вместе с тем простое! "Гайавата" — в переводе Ивана Бунина — стал классическим образчиком перевода эпоса любого народа мира! Именно "по-Бунину" была потом переведена восхитительная финская "Калевала", поэтические наследия других народов России!

Ключ к их пониманию открыл Иван Алексеевич! Будучи еще 26 лет отроду!

Что такое "Песнь о Гайавате"? Да лучше послушайте...

"Если спросите — откуда эти сказки и легенды с их лесным благоуханьем, влажной свежестью долины, голубым дымком вигвамов, шумом рек и водопадов, шумом диким и стозвучным, как в горах раскаты грома? — Я скажу вам, я отвечу: "От лесов, равнин пустынных, от Озер Страны Полночной, из Страны Оджибузеев, из Страны Дакотов диких, с гор и тундр, с болотных топей, где среди осоки бродит цапля сизая, Шух-шух-га. Повторяю эти сказки, эти старые преданья по напевам сладкозвучным Музыканта Навадаги..."

Восхитительные, удивительно простые и изящные строки! Бунинский Талант переносит нас в далекие времена, когда в Северной Америке обитало легендарное Племя Индейцев: апачей, гуронов, мэндэнов, черноногих, оджибве, дакотов... Вот мы видим, как наяву, дикую, девственную природу Америки: от Великих Озер на севере до пыльных саванн Юга. Стада бизонов — словно сама "Армия Сатаны" — мычащая и рыкающая — несется по бескрайним равнинам, сметая все на своем пути; обилие животных, птицы, рыбы, съедобных растений — бери не хочу голыми руками... Гордые и свободолюбивые жители Америки, соблюдающие свои, неписаные законы, обычаи... Где они? Что стало с их Родиной? Не ждет ли нас, русских, участь этого народа, растоптанного чуждой "псевдоцивилизацией" бывших уголовников и пиратов, высадившихся в недобрый час на благодатной индейской земле?

Буниным переведены и Мицкевич, и Байрон, английские классические поэты, Тарас Шевченко, многие французские авторы... Но венцом всего был, конечно, "Гайавата"! Недаром в тридцать с небольшим лет Бунин избирается академиком — по разряду "изящной словесности"! Бунин-поэт велик! Бунин-переводчик неподражаем! Но... Бунин-прозаик — нечто необычайное!

ЧИТАЯ Бунина-рассказчика, мы раз и навсегда избавляемся от навязываемых нам солженицынами иллюзий, что-де царская Россия была почти что "филиалом рая на земле"! Разве "деревенские" произведения Бунина не разоблачают этот "миф"? В рассказах Ивана Алексеевича красной нитью проходит мысль: "А почему так скверно устроен мир?" Мужики, работающие порой так, что жилы лопаются, страдают от безземелья, нищеты, голодают, бедствуют, умирают от болезней и непосильного труда, спиваются, становятся преступниками ...Не лучше приходится и русским женщинам: ("Перевал", "Танька", "Кастрюк", "На чужой стороне", "На хуторе", "Святые Горы", "Антоновские яблоки", "Учитель", "Деревня", "Суходол", "Старуха", "Косцы", "Лапти"...)

Посудите сами: вот бредет в дом своей дочери старая Федосеевна, надеясь дожить там последние дни свои в тепле и сытости. Но у зятя и дочери нет желания кормить "лишний рот", и несчастная женщина замерзает в поле. "Каждый умирает в одиночку"! Вот гибнет, нелепо гибнет полный сил Захар Воробьев, русский Богатырь, кузнец, поспоривший с проезжими торговцами, что выпьет за час "четверть" водки! Хитрые кулаки нарочно переводят стрелки, чтобы не платить ему выигрыш, но Захар, почуяв подвох, выпивает всю бутыль зараз — "не будет вам, шельмам, барыша!" и идет куда глаза глядят, чувствуя неминуемую смерть, которую он встречает мужественно, как Воин!

Разоряется и сгорает Суходол — старая помещичья усадьба, раздор между братьями, разбивается насмерть старший — Павел Петрович. Сын его уходит — служить кондуктором на железную дорогу. Тяжело доживают свои дни остальные обитатели усадьбы. "Дальше — тишина!"

Какая уж там идиллия, какой уж рай? "Горемычество" беспросветное! Порой бунинские строки-обличения просто до боли сжимают сердце. "Господи Боже, что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! А пяти лет не проходит без голода. Город на всю Россию славен хлебной торговлей — ест же этот хлеб досыта сто человек во всем городе. А ярмарка? Нищих, дурачков, слепых и калек, да все таких, что смотреть тошно, прямо полк целый!

Вот она, хваленая царская Россия, где девятеро из десяти регулярно голодали и холодали! Не умели имени своего написать разборчиво! Побирались и юродствовали, чтобы выжить! Не ждет ли и нас это при "новых господах"?

Вспомним: в каком соприкосновении мужал бунинский талант: с М. Горьким, А. П. Чеховым, Л. Н. Толстым, Куприным, Шаляпиным, А. Толстым... Его воспоминания, написанные в зрелом возрасте: "Освобождение Толстого", "О Чехове", "Куприн"... передают нам ту атмосферу духовной близости, что царила между этими людьми в начале XX века. Потом, в эмиграции, Бунин на многое посмотрел иными глазами... Отсюда и неприятие возвращения Куприна на Родину в 1937 году, и рассказ "Третий Толстой": изображающий Алексея Толстого эдаким "московским барином", космополитом, человеком без принципов... Но это будет потом... А в юношеский период Бунин многому учится и у Горького, и у Чехова, и у Толстого...

В дореволюционном, доэмигрантском творчестве Бунина выделяют рассказ "Господин из Сан-Франциско". Он считается шедевром писателя (1916 г.) На меня, признаюсь, это произведение не произвело никакого впечатления — типично бунинское рассуждение о Жизни и Смерти, Бренности Всего Живого. Только действующее лицо главное не "Петр Петрович", к примеру, а "господин из Сан-Франциско" — без имени, без фамилии! И неизбежный дуэт: "Жиголо и Жиголетта" — на пароходе, напудренные, напоминающие "огромных пиявок"!

Мне ближе и дороже бунинские рассказы о любви! Они, как и все его творчество, пронизаны щемящей тоской и болью за Человека, за Несправедливость Окружающей Действительности, за Обреченность Истинного Человеческого Чувства — в холодном и бесчеловечном буржуазном мире!

Нельзя без слез читать рассказ "Легкое дыхание". "Простая история" о молоденькой женщине с "легким дыханием", соблазненной пожилым "ловеласом" и застреленной на перроне заштатного вокзала своим возлюбленным — офицером. Но написал ее Бунин — великий мастер рассказа!

"На кладбище, над свежей глиняной насыпью, стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжелый, гладкий. Апрель, дни сырые, памятники кладбища, просторного, уездного еще далеко видны сквозь голые деревья, и холодный ветер звенит и звенит фарфоровым венком у подножия креста. В самый же крест вделан довольно большой выпуклый фарфоровый медальон, а в медальоне — фотографический портрет гимназистки с радостными, поразительно живыми глазами. Это Оля Мещерская..." Рассказ заканчивается на суровой, но не совсем уж безнадежной ноте — Жизнь Земная — еще не Конец Жизни Вечной: "Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре".

Неповторимые "Сны Чанга" (1916 г.). Рассказ о собаке, пережившей двух хозяев и ждущей встречи с третьим, высшим, последним: "...Темнеет, камин полон раскаленными, сумрачно-алыми грудами жара... А Чанг лежит на ковре возле камина, закрыв глаза, положив морду на лапы... В мире этом должна быть только одна правда — третья, — а какая она — про то знает тот последний хозяин, к которому уже скоро должен возвратиться и Чанг."

ГРЯНУЛА Пора Великих Потрясений. Иван Алексеевич очень болезненно воспринял "крушение Великой России" — как ему представлялась Революция! Это и привело его после скитаний по Югу — между "красными", "белыми", "зелеными" — в добровольное изгнание, во Францию, где он и доживал остаток своих дней.

Я не буду останавливаться на его произведениях, написанных под влиянием мучительной ненависти бывшего Барина к "мужицкому бунту"! Это не лучшие "достижения" Бунина в литературе! Скорее, плевелы! Не больше того! Буниным и в эмиграции написаны многие сильные произведения. Главное, что основным мотивом его творчества осталась Россия! Да и писал он — не в пример, скажем, Набокову — только на русском языке!

Правда, не "Русь Советская", а та, прежняя, дореволюционная, Россия — на многие годы стала его авторской темой. "Далекое" — названием его рассказа — я бы и охарактеризовал его творчество 20—30—40-х годов!

Уже не было в помине помещичьей России, бедных и богатых, "босяков" и "знатных", голодных и нищих... А он писал о них! О России своих грез! Чредой проходят "эмигрантские" бунинские рассказы ("Далекое", "Митина любовь", "Ида", "Благосклонное участие", "Темные аллеи", "Кавказ"; "Волки", "Ворон", "Натали", "Руся", "Генрих"...). В тридцатые годы завершена самая значимая работа И. А. Бунина — "Жизнь Арсеньева". Все они — о прошлом!

Я не стал бы, как это делали многие советские исследователи, искать в этих бунинских шедеврах "увлечение Фрейдом, экзистенциализмом..." Это Бунин! Сам по себе! Неподражаемый и никому не подражающий! Перед нами — галерея человеческих, преимущественно женских образов: как они Бунину удались! Просто чудо! Сколько в них жизненной правды, настоящего реализма: скрытого тепла, любви, нежности, самоотреченности... Все они обречены в том безжалостном и холодном буржуазном "псевдомире"! Автор им сочувствует, переживает за них... но — ничем помочь не может! "На то воля Божья!"

Влюбляются зрелый художник и молоденькая девушка, почти девочка. ("Галя Ганская"). Что им может помешать? Оба свободны, сгорают от страсти... "Живите и будьте счастливы!" — так и хочется сказать им. Но... обиженная отъездом художника за границу, Галя принимает яд из отцовской аптечки! "Я хотел застрелиться!" — вспоминает художник.

Вот журналистка, пишущая под псевдонимом "Генрих", порывает со своим "боссом" и хочет соединить жизнь со старым другом-писателем. Но... "покинутый возлюбленный" обрывает ее молодую, прекрасную жизнь "выстрелом из револьвера"!

Чудесный рассказ "Ида". Он тоже о любви, любви несостоявшейся! И, расставаясь навсегда на перроне захолустного вокзала, Ида крепко и нежно поцеловала своего возлюбленного "одним из тех поцелуев, что помнятся потом не только до гробовой доски, но и в могиле..." Подняв на господина свое побелевшее лицо и "фиалковые глаза"!

В рассказе "Натали" встречаются, после размолвки, два глубоко и преданно любящих человека. Но... Натали умирает на Женевском озере "в преждевременных родах"!

"Три рубля"! В одном уездном городе, в гостинице, маститый писатель "снимает" за три рубля гимназистку, умирающую от голода. Гостиничный "роман" приводит их к союзу на всю жизнь. Они строят планы... Но... у героини открывается чахотка, и писатель хоронит ее, оставшись — навек — безутешным и одиноким!

Если Чехова называли "певцом сумерек", то Бунину по заслугам можно дать такое определение: "певец разлуки вечной"!

О вы, несчастные герои и героини бунинских произведений! Не будь вас, разве мы могли бы научиться так любить, как это делали вы? Так страдать? Навек разлучаться? Бунин спас многих своих читателей от трагических развязок. И вместо того чтобы "стрелять себе в висок из двух револьверов", мы говорим: "это неправда! Я люблю тебя! Не уходи! Я жить без тебя не могу!" И остаемся счастливы!

Проходит мимо нас "Жизнь Арсеньева", где многое созвучно с жизнью самого Бунина. "Детство — Отрочество — Юность". Герой постигает мир, видит смерть вокруг себя, несет утраты, ищет смысл Жизни, любит...: "Целая жизнь прошла с тех пор. Россия, Орел, весна... И вот Франция, юг, средиземные зимние дни... Я встаю и с трудом открываю дверь на балкон. В лицо мне резко бьет холодом, над головой разверзается черно-вороненое, в белых, синих и красных пылающих звездах небо. Все несется куда-то вперед, вперед... Я кладу на себя медленное крестное знамение, глядя на все то грозное, траурное, что пылает надо мной."

Умер последний законный наследник престола — Великий Князь из дома Романовых. Для героя это конец его мечты о возвращении в Россию! Конец всему!

Трехцветный российский флаг недаром горит в южном, прованском небе! Прощальный салют!..

..."Те весенние дни моих первых скитаний были последними днями моего юношеского иночества" — так начинается самая нежная и трагическая, любовно написанная пятая книга "Жизни Арсеньева" — "Лика". Первая юношеская любовь, союз двух сердец, правда, не скрепленный узами брака, отец Лики не хочет иметь зятем бедного, неустроенного Алешу, тихие уездные радости, работа в редакции, в архиве, первые ссоры... Непонимания... Разлад... Ее отъезд — отец хочет выдать Лику замуж за богача Богомолова, похожего на "йоркшира"-поросенка, возвращение... Снова любовь и снова разлад... Алеша боится брака — "связать" себя на всю жизнь, — стоит ли? Он ничего не говорит Лике, но она сама все понимает! И уходит навсегда! Как все бунинские героини! И только тогда Алеша Арсеньев понимает, как она была ему нужна!

"Недавно я видел ее во сне — единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда, — "заканчивает" "Лику" И. А. Бунин. В 1933 году. 63 года! "Остановиться? Оглянуться?" Впереди — Нобелевская премия! А Родина по-прежнему далека! И не найти могилы прототипа Лики — Варвары Пащенко, которую Бунин пережил на много лет! Он может только мысленно пройтись по Орлу, "зайдя" на старое кладбище! Над которым сияет звезда! Последняя! Вот и все!

Он умер, так и не примирившись со своей Родиной! И хотя страдал, когда Гитлер напал на СССР, отказался от сотрудничества с немцами, оккупировавшими Францию, внимательно следил за победами Красной Армии, за новинками советской литературы, но на родную землю так и не вернулся!

В. Н. Бунина (в девичестве Муромцева) закрыла его глаза 8 ноября 1953 года в их скромной парижской квартире.

В 1950 году И. А. Бунин написал свое прощальное стихотворение — "Венки".

"Был праздник в честь мою, и был увенчан я венком лавровым, изумрудным: он не студил чело, холодный, как змея, в чертоге пирном, знойном, людном. Жду нового венка — и помню, что сплетен из мирта темного он будет: в Чертоге гробовом, где вечный мрак и сон, он навсегда чело мое остудит!"

В Россию вернулись его бессмертные произведения. В 1965—1967 гг. было издано уникальное, на мой взгляд, "Собрание сочинений И. А. Бунина" в 9 томах. Его редактировал А. Т. Твардовский. Редактировал с любовью и трепетом перед этим непревзойденным мастером русской литературы!

"Вещи и дела, аще не написаннии бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написаннии же яко одушевлении..."

"Написанное одушевлено!"

И. А. Бунин похоронен на французском кладбище, вдали от Родины, "в стороне, далекой от родного края..."

Придет время, и душа великого русского, "рассеянная в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре", успокоится, вернувшись на Родную Землю вместе с прахом И. А. Бунина.

Он — плоть и душа своей Отчизны, на земле которой 125 лет назад и появился на свет величайший русский писатель — Иван Алексеевич Бунин! И принадлежит он России!